

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

**НАРОДЫ
АЗИИ и АФРИКИ**

(ОТДЕЛЬНЫЙ ОТТИСК)

рем. кн.: Андреев

Древ. энцикл.

4

МОСКВА 1968

М. С. Андронов. *Дравидийские языки*. М., Глав. ред. вост. лит-ры изд-ва «Наука», 1965, 124 стр.

Несмотря на то что количество источников в библиографии по дравидийским языкам приближается к 900¹, очень незначительное число работ посвящено общедравидийской проблематике. Рецензируемая книга М. С. Андронova представляет собой, по сути дела, краткое введение в сравнительно-историческое изучение дравидийских языков. Очерк написан с учетом последних достижений отечественного и зарубежного языкознания, общего и дравидийского, и по объему фактического материала и по количеству языков, привлекаемых для описания, выгодно отличается от предшествующих грамматик такого рода. Автор использовал не только чужие материалы и сообщения, но и результаты собственных исследований, которые проводились им во время его пребывания в Индии. При лаконичной манере изложения в очерке собран значительный фактический материал, четко систематизированный и отлично иллюстрированный.

В вводной части дается общая характеристика дравидийских языков и приводится их генетическая классификация. Данные о степени близости различных дравидийских языков, полученные в результате специальной предварительной работы с использованием методики лексикостатистического анализа по М. Свэдешу, делают настоящую классификацию более достоверной и подробной, чем это было до сих пор. Здесь же кратко описывается история изучения дравидийских языков как в самой Индии, так и в других странах. Интересные данные, в том числе и самые новейшие, относительно предполагаемых внешних связей дравидийских языков, которые по сию пору остаются гипотетическими, содержатся в специальном разделе (который, однако, совершенно неоправданно вынесен в приложение) в конце книги.

Раздел, посвященный фонетике, отличается композиционной стройностью и последовательностью, ланидарностью изложения, что позволяет подробно и четко описать громоздкий материал почти двух десятков языков. На наш взгляд, в отличие от Р. Колдуэлла² и некоторых других дравидологов, М. С. Андронову удалось описание сложных

по своему характеру тамильских шумных фонем и их «трех аллофонов» (стр. 20—21), в описании которых до сего времени было мало стройности и убедительности. Особую ценность представляет подраздел о фонетическом строе ряда бесписьменных дравидийских языков: сравнительное описание фонетики этих языков предпринято едва ли не впервые в дравидологической литературе. Обширный фактический материал представлен в разделах «Сочетаемость звуков» и «Звуковые соответствия». Проведенный анализ позволяет автору сделать вывод о вероятной близости древнетамильского языка к протодравидийскому языку.

Раздел о морфологии предваряется небольшим вступлением, содержащим краткую морфологическую характеристику дравидийских языков, основных черт дравидийской агглютинации и структуры дравидийского корня-моносиллаба. Автор называет корни «нецельнооформленными морфемами», т. е. отрезками меньшими, чем слово, которые не заключают в себе ничего, что позволило бы соотнести их в качестве таковых с отдельными классами слов (частями речи) (стр. 46). Это не совсем верно, поскольку лишь часть корней представлена связанными морфемами, к которым может быть приложим термин «нецельнооформленная морфема»; значительное количество корней составляют свободные морфемы, которые могут как употребляться в качестве самостоятельного слова, так и выступать в качестве основы производного слова (напр., там. *kāy* 'незрелый плод', *piṇ* 'задняя сторона, сзади, позади', *kaḍ* 'брать, получать' и др.), хотя они, несомненно, проявляют определенную специфику при распределении их по частям речи. Вряд ли можно, очевидно, говорить и о моносиллабичности «всех дравидийских корней» в современном тамильском языке.

При описании имени существительного дравидийских языков подробно описаны четыре типа различения лексико-грамматического рода; при этом автор очерка считает, что окончательное выяснение вопроса о том, какой из этих типов существовал (если он существовал вообще) в протодравидийском языке, связано с определением системы грамматического рода в протодравидийском глаголе, так как лексико-грамматический род дравидийских имен является лишь отражением грамматического рода глагола³.

¹ См. М. Андронов, *Materials for a Bibliography of Dravidian Linguistics*, Kuala Lumpur, 1966.

² R. Caldwell, *A Comparative Grammar of the Dravidian or South-Indian Family of Languages*, London, 1913, p. 138—140.

³ Подробнее об этом см. М. Андронов, *Личные формы глагола в современном тамильском языке*, — В сб.: «Языки Индии», М., 1961, стр. 372—377.

С достаточной полнотой представлены и четко сгруппированы суффиксы-показатели множественного числа и суффиксы-показатели различных косвенных падежей. По М. С. Андронову, все суффиксы — падежные форманты некогда были полноточными словами, но затем утратили свою самостоятельность.

В общелингвистическом плане интересен этимологический анализ дравидийских числительных, который показывает, что до распространения в южноиндийском ареале десятиричного счета дравиды пользовались более древней восьмеричной системой счисления, в свою очередь пришедшей на смену трем первоначальным числительным; при этом, как подчеркивается в очерке, в дравидийских языках северной группы остальные числительные первого десятка заимствованы из индоевропейского источника (стр. 58—59). Много нового вносит автор и в изучение личных имен в тамильском языке, а также в изучение современных личных форм глагола, условного деепричастия и некоторых других неличных глагольных форм.

Вопреки мнению Ж. Блока и некоторых других дравидологов, автор рецензируемого очерка на основании анализа собранного материала признает прилагательные и наречия в современных дравидийских языках самостоятельными классами слов (частями речи)⁴, убедительно показывая при этом невозможность их существования в гипотетическом протодравидийском языке. Синтаксис дравидийских языков представлен

в книге лишь фрагментарно, и это сделано, очевидно, сознательно, поскольку он обнаруживает много общих черт с синтаксисом других языков сходного морфологического типа.

Значительный интерес представляют его предположения об историческом характере дравидийской языковой семьи, изложенные в заключительном разделе очерка. Обращает на себя внимание подробный «Указатель слов и форм, встречающихся в тексте», который существенно поможет в работе с этим очерком. К сожалению, далеко не во всех выпусках серии «Языки народов Азии и Африки» встречается такое приложение, характеризующее не только добросовестность автора, но и издательскую культуру.

Вместе с тем некоторые разделы очерка требуют пополнения и уточнения. Так, в разделе «Фонетика» нет сведений о дравидийском слогаделении и ударении; не описаны морфофонематические изменения при словоизменении и словообразовании; отсутствует в данном очерке и особый раздел, посвященный морфологической структуре слова и словообразованию, столь многообразным в современных и древних дравидийских языках. Существенным упущением работы является отсутствие подробной лингвистической карты, которая помогла бы пониманию и восприятию вводной части, что, впрочем, наблюдается в абсолютном большинстве очерков серии. Наконец, работа о дравидийских языках, безусловно, выиграла бы, если бы в нее были включены в качестве приложения образцы текстов на рассматриваемых языках (по крайней мере, на некоторых из них) с переводом и комментарием, как это сделано в большинстве очерков серии.

В. А. Макаренко

⁴ См. также С. Г. Рудин, О наречиях современного тамильского языка, — В сб.: «Исследования по филологии стран Азии и Африки», Л., 1966.